

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).083 : 347.62

АМБАРЦУМОВ И.В.
ВОПРОС О МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ В
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ СТОЛЫПИНА, СВЯТЕЙШЕМ СИНОДЕ И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (1906-1909)

AMBARTSUMOV I.V.
THE ISSUE OF INTERFAITH MARRIAGES IN STOLYPIN'S
GOVERNMENT, THE HOLY SYNOD AND THE STATE DUMA
(1906-1909)

Статья посвящена проекту закона о межконфессиональных браках, разработанному в 1906-1907 гг. Министерством внутренних дел под руководством Столыпина. Дается характеристика российского брачно-семейного права по состоянию на начало XX в., излагается концепция законопроекта МВД о смешанных браках и его основные положения, освещается история полемики между Святейшим Синодом и Советом министров по поводу законопроекта, история его обсуждения в комиссиях III Государственной Думы. Автор приходит к выводу, что хотя законопроект был далек от революционного радикализма, он предусматривал отмену некоторых важных преимуществ, которыми пользовалась при заключении смешанных браков православная церковь, с чем не могли смириться церковные иерархи и поддерживавшие их консервативные политические деятели; под их давлением правительство было вынуждено отозвать законопроект из Думы. Автором использованы материалы Российского государственного исторического архива, справочные издания, освещающие деятельность Государственной Думы, работы российских и зарубежных историков и правоведов.

Ключевые слова: религия, семейное право, церковный брак, гражданский брак, межконфессиональный брак, свобода совести, Столыпин, Министерство внутренних дел, Государственная Дума, Святейший Синод, Владимир Николаевич Львов

The article is dedicated to the bill on interfaith marriages, which was drafted in 1906-1907 by the Ministry of Internal Affairs (MVD) of the Russian Empire under the direction of Stolypin. The Russian family law of the beginning of 20th century is described, conceptual foundation of the MVD bill on interfaith marriages and its basic dispositions are exposed, the controversy of the bill between the Holy Synod and the Council of Ministers and discussions about it in the commissions of the Third Duma are covered. The author concludes that although the bill had nothing in common with revolutionary radicalism, it prescribed abolition of some important privileges, which the Orthodox Church possessed in the cases of interfaith marriages; the church hierarchs and conservative politicians supporting them could not accept this fact, and under their pressure the government had to call off the bill from the Duma. The author used the materials of Russian State Historical Archive, reference books covering the activity of the State Duma, works of Russian and foreign historians and legal scholars.

Keywords: religion, family law, religious marriage, civil marriage, interfaith marriage, freedom of religion, Stolypin, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire (MVD), the State Duma, the Holy Synod, Vladimir Nikolayevich Lvov

Вероисповедное законодательство Российской империи и проекты его реформирования в эпоху думской монархии неоднократно были предметом исследования историков, правоведов и религиоведов. Вместе с тем, некоторые аспекты данной темы остаются недостаточно изученными. Это касается, в частности, проектов положений о межконфессиональных браках, которые обсуждались в правительстве П.А. Столыпина, Думе и Святейшем Синоде. Важнейшим из них был законопроект столыпинского МВД «О вызываемых провозглашенной Высочайшим Манифестом 17 октября свободой совести изменениях в области семейственных прав»; в существующих работах о нем даются лишь отдельные отрывочные сведения. Ю.С. Белов дает чрезвычайно краткую характеристику данному законопроекту, несправедливо, на наш взгляд, называя его положения «революционными» [3, с. 179-180], и затем упоминает о факте его отзыва из Думы осенью 1909 г. [3, с. 181]. Те же самые краткие сведения приводятся в монографии А.А. Дорской [13, с. 83, 101]. Несколько более подробно характеризует законопроект о «семейственных правах» А.А. Сафонов, он, например, отмечает предусмотренную в нем «градацию» вероисповеданий, однако не разъясняет каким образом она строилась; какие исповедания занимали более привилегированные ступени, а какие – менее [25, с. 209]. Американский историк П. Верт в своей работе «Православие, инославие, иноверие» верно характеризует основную идею столыпинского законопроекта – «в одно и то же время поддержать религиозный характер брака и более четко разграничить гражданское право и церковный канон» [5, с. 169], не рассматривая, однако, в деталях прописанные в нем положения о порядке заключения и расторжения браков между адептами различных конфессиональных групп; неверно называет этот исследователь саму дату отзыва законопроекта, ошибочно указывая на октябрь 1908 г. (вместо 1909) [5, с. 172-173]. Процесс обсуждения законопроекта в думских комиссиях упомянутыми исследователями не прослеживается; не останавливаются они подробно и на замечаниях к нему, высказанных в двух постановлениях Святейшего Синода от 1907 г. Лишь А.А. Сафонов упоминает о некоторых деталях обсуждения законопроекта в Совете министров – еще до его внесения в Думу [25, с. 210-212]. Настоящая статья имеет целью восполнить пробел в существующих исследованиях; в ней дается характеристика российского законодательства о смешанных браках по состоянию на начало XX в., рассматриваются положения законопроекта Министерства внутренних дел, касающегося «семейственных прав» и степень «революционности» этих положений по отношению к действовавшим нормам, освещается история борьбы вокруг законопроекта в 1907-1909 гг. и анализируются причины провала данной реформаторской инициативы Столыпина.

Брачно-семейное законодательство Российской империи было по сути частью религиозного законодательства. Светского брака как такового не существовало; заключение и расторжение браков, равно как и регистрация рождений и смертей, находились в ведении религиозных властей православной церкви и других официально признанных вероисповеданий. Государство предписывало некоторые самые общие моменты, в частности, минимальный возраст вступления в брак, обстоятельства, делавшие брак невозможным в силу гражданской неспособности лица, положения об имущественных и гражданских правах супругов, вытекающих из факта заключения брачного союза. Остальные вопросы находились в ведении церковных инстанций. Гражданская регистрация актов состояния существовала лишь для отдельных, маргинальных в глазах государства конфессиональных групп, а именно русских раскольников и баптистов. Рождения, браки и смерти раскольников, согласно закону от 19 апреля 1874 г., действовавшему до 1906 г., должны были регистрироваться в полицейских управлениях [21, с. 652-656]. Метрические книги баптистов, согласно правилам, изданным в 1879 г., велись губернскими правлениями и управлениями

градоначальников, а в Москве управлением обер-полицмейстера [22, с 277-278; 23, стб. 1302; 10, л. 48].

Государственное регулирование института брака проявлялось также в установлении правил о порядке заключения межконфессиональных браков. Когда один из будущих супругов исповедовал православие, закон предоставлял все преимущества православной церкви. Венчание должно было совершаться непременно по православному обряду, причем перед вступлением в брак с лицами православного исповедания инославные жених или невеста должны были давать священнику подписку в том, что они «не будут ни поносить своих супругов за Православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом, к принятию своей веры, и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах Православного исповедания» [23, стб. 764]. Нарушение этой подписки грозило уголовным преследованием [29, с. 40; 23, стб. 3851]. Возможно было и совершение дополнительного венчания в инославной церкви, но лишь во вторую очередь, после православного обряда. Православным дозволялось вступать в брак лишь с представителями признанных инославных христианских исповеданий (католиками, протестантами, армяно-григорианами). Бракосочетания же с раскольниками (последователями старообрядческих толков и русских сект) допускались лишь при условии перехода последних еще до брака в лоно православной церкви [23, стб. 760]. Эта строгая норма была обусловлена желанием правительства и церкви оградить православных от агрессивного прозелитизма, присущего раскольническим вероучениям.

Когда смешанный брак заключался между представителями двух различных инославных исповеданий (например, католического и протестантского) закон ставил оба исповедания в равное положение. Нередко в таких случаях практиковалось совершение двух венчаний, в обеих церквях, но законную силу брак обретал уже после совершения одного венчания. В губерниях Западного края действовало правило, согласно которому браки между лицами инославных христианских исповеданий должны были совершаться в церкви того исповедания, к которому принадлежит невеста. Только в том случае, когда католический священник отказывался обвенчать невесту-католичку с женихом иной веры (а такие случаи были нередки в силу негативного отношения римской церкви к смешанным бракам), дозволялось совершить венчание в церкви, к которой принадлежал жених. Сыновья от смешанных браков в западных губерниях должны были воспитываться в вере отца, а дочери – в вере матери (если супруги не заключили брачный договор, в котором был предусмотрен иной порядок) [23, стб. 766]. Указанные нормы, зафиксированные в статье 75 Законов гражданских, восходили к русско-польскому трактату от 1768 г. [26, с. 61]. Русское правительство сохранило их действие на бывших землях Речи Посполитой после их присоединения к России. В рассматриваемый период эти правила применялись чаще всего при бракосочетаниях между католиками и протестантами. Первоначально они распространялись и на браки католиков и протестантов с православными, но, согласно повелению императора Николая I от 20 августа 1832 г. и изданному на основе его указа Правительствующего Сената от 23 ноября того же года, на западные губернии был распространен общероссийский принцип, предусматривавший безусловное верховенство православной церкви при заключении межконфессиональных браков: венчание православным священником и воспитание детей в православии [26, с 87-90]. Во всех прочих губерниях место венчания супругов разных вероисповеданий (если ни один из них не принадлежал к православию) и вероисповедание детей определялись взаимным соглашением сторон. В Законах о судопроизводстве гражданском содержались нормы относительно порядка расторжения смешанных браков. Если оба супруга принадлежали к неправославным христианским исповеданиям, решение о расторжении их брака принималось духовным судом того исповедания, к которому принадлежал ответчик (т.е. сторона, обвиненная в проступке, дававшем повод к разводу). Однако развод не мог быть осуществлен прежде

вынесения решения о том, был ли брак изначально действительным (то есть имеющим законную силу), а это решение находилось в ведении суда того исповедания, священник которого «произвел первое венчание». В тех же случаях, когда один из супругов был православным, как решение о разводе, так и вопрос действительности брака, подлежали исключительному ведению православного церковного суда [28, с. 76-77].

Особые правила, отличные от общеимперских, действовали на территории автономной Финляндии, где лютеранская церковь была уравнена в правах с православной: там венчание всех смешанных браков должно было быть совершено дважды, в церквях обоих исповеданий, а дети воспитываться в вере отца [23, стб. 765].

Отношение конфессий империи к смешанным бракам было различным. Православная церковь была в целом удовлетворена правилами, установленными государством. Католическая церковь, напротив, негативно относилась к бракам своих чад с не католиками, особенно, когда они заключались на условиях другой конфессии (например, православия или протестантизма). Дабы воспрепятствовать бракам своих прихожан с последователями иной церкви, католические ксендзы отказывали им в совершении оглашения. В соответствии с правилами большинства христианских церквей, нашедшими отражение и в российском законе, оглашение было необходимой процедурой, предшествовавшей заключению брака; состояло оно в публичном объявлении с церковной кафедры в течение трех воскресных дней подряд имен прихожан данной церкви, желавших вступить в брак. Оглашение являлось подтверждением отсутствия канонических и правовых препятствий к вступлению данного лица в брачный союз, оно совершалось в приходах как жениха, так и невесты, которым выдавались огласительные свидетельства. Отказ католического священника в выдаче своему прихожанину такого свидетельства был препятствием к совершению венчания, даже если оно предполагалось в православной или протестантской церкви. Для предотвращения подобных ситуаций российскими властями были изданы правила, согласно которым при отказе католического священника совершить оглашение перед венчанием смешанного брака прихожанин мог вместо огласительного свидетельства взять удостоверение в местной полиции «о внебрачном состоянии и правоспособности ко вступлению в брак». Относительно бракосочетаний католиков с православными это правило было введено в 1891 г., а в 1905 г. оно было распространено и на католическо-протестантские супружеские союзы [11, л. 239-240; 9, л. 104-170; 23, стб. 765].

Строго оберегал российский закон и преимущества христианских конфессий перед нехристианскими. Христианин мог венчаться лишь по христианскому обряду. Православная и католическая церкви не допускали браков своих последователей с нехристианами. Запрещение подобных супружеских союзов для православных и католиков было зафиксировано в статье 85 Законов гражданских [23, стб. 767-768]. Армяно-григорианская Церковь также не венчала своих последователей с лицами нехристианских исповеданий (хотя в законе данный факт не был специально оговорен). Впрочем, эти каноническо-юридические запреты касались лишь тех случаев, когда лицо, желавшее вступить в брак, уже принадлежало к христианской вере. Когда же один из супругов-иноверцев обращался в христианство уже после заключения брака, то в таком случае межконфессиональный супружеский союз мог быть сохранен при выполнении ряда условий, а именно супруг-нехристианин должен был дать подписку об уважении к вере своей христианской «половины», о воспитании в христианстве всех детей, рожденных после крещения второго супруга, и об отказе от многоженства [23, стб. 767]. Венчание христиан с нехристианами дозволялось евангелическо-лютеранской церковью и другими протестантскими конфессиями; допущение браков протестантов с некрещеными иноверцами фиксировалось и в российском законе. Правда, протестантам запрещались супружеские союзы с ламаитами (буддистами) и язычниками, им было разрешено вступление в брак лишь с мусульманами и иудеями [23, стб. 767-768]. При этом мусульманская или иудейская сторона должна была

дать всю ту же подписку – о воспитании всех детей в христианстве, несомнении супруга-христианина и отказе от многоженства [23, стб. 1208]. Дела о расторжении браков христиан с иноверцами подлежали ведению христианского духовного суда [11, л. 249 об.- 250 об.].

После объявления религиозной свободы в 1905 г. встал вопрос и о реформировании ряда аспектов брачного законодательства. Некоторые меры в этом направлении содержал изданный 17 апреля 1905 г. высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости». Им, в частности, предписывалось «уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков» [15, с. 38]: то есть запрет на браки чад господствующей церкви с последователями раскольнических учений без предварительного принятия последними православия отменялся. Принятое одновременно с указом Положение Комитета министров предписывало возложить ведение метрических книг и заключение браков внутри старообрядческих и сектантских общин на духовных лиц этих общин («настоятелей и наставников») [14, с. 244]. Тем самым отменялась существовавшая ранее полицейская метрификация раскольников; впрочем, новые правила ведения метрических книг сектантов и староверов были изданы лишь 17 октября 1906 г. [15, с. 379-381, 389-391]. Остальные нормы брачно-семейного законодательства остались неизменными. Сохранился подход к браку как к институту церковному с категорическим непризнанием его гражданских форм. Не изменились и базовые нормы, касавшиеся межконфессиональных супружеских союзов. Вместе с тем, среди части российской правящей элиты существовало мнение, что общая либерализация религиозного законодательства (в частности, разрешение православным переходить в иные конфессии в соответствии с упомянутым указом 17 апреля 1905 г. и провозглашение принципа свободы совести манифестом 17 октября того же года) логично предполагает и смягчение некоторых норм брачного права, в первую очередь тех, которые гарантировали безусловное доминирование православной стороны в смешанном браке.

Вскоре после созыва I Думы 49-ю ее депутатами, в большинстве кадетами, были представлены «Основные положения законопроекта о свободе совести», включавшие семь пунктов. Из них пункты 5 и 6 касались брачно-семейных вопросов. Пункт 5 гласил: «Всякий, достигший 17-летнего возраста, может выйти из состава вероисповедного общества, к которому он принадлежит; несовершеннолетний, не достигший сего возраста, воспитывается в том вероисповедании, в коем пожелают его воспитывать родители. *Примечание.* В случае, если родители принадлежат к различным вероисповеданиям, от их соглашения зависит выбор вероисповедания, в коем воспитываются их дети. Если такого соглашения достигнуто не будет, то дети мужского пола воспитываются в исповедании отца, дети женского пола – матери» [20, л. 4 об.].

Распространение данного положения на все случаи смешанных браков означало бы отмену действовавшей нормы, согласно которой, в случае исповедания православия хотя бы одним из родителей, все дети (независимо от пола) должны были воспитываться в православной вере.

Пункт 6 гласил: «Особый закон определяет ведение актов гражданского состояния» [20, л. 4 об.]. На каких принципах должен базироваться этот предполагаемый закон, не раскрывалось. Можно предположить, что I Дума, леволиберальная по своему составу, вполне могла одобрить идею установления гражданского брака наряду с церковным. Однако дальнейшего развития в виде отдельных законопроектов упомянутые пункты не получили. Как отмечает А.А. Дорская, «Основные положения законопроекта о свободе совести» «5, 6 и 8 июня 1906 г. <...> подверглись обсуждению в связи с вопросом об образовании комиссии для их рассмотрения. Но комиссия, состоявшая в большинстве из кадетов и октябристов, так и не успела выработать ни одного законопроекта в таком виде, чтобы его можно было представить в общем собрании Государственной Думы» [13, с. 79]. Причина заключалась в

коротком сроке работы, отведенном I Думе, которая, как известно, была распущена указом императора 9 июля 1906 г.

В дальнейшем инициатива по реформированию брачного законодательства была взята на себя П.А. Столыпиным, возглавившим в апреле 1906 г. Министерство внутренних дел, а в июле того же года и Совет министров. Столыпин был убежденным сторонником преобразования законов о браке и семье на основе начал свободы совести. Он считал принципиально возможным даже введение в России гражданского брака; МВД по его поручению составило специальную справку по данному предмету [8, л. 2-9 об.]. Впоследствии, однако, представляя вероисповедные законопроекты Думе второго созыва, премьер отмечал, что Совет министров счел вопрос о введении гражданского бракосочетания «весьма сложным и едва ли поддающимся незамедлительному разрешению» [17, с. 135]. В то же время одобрение получил законопроект, предусматривавший модернизацию правил о смешанных браках и о вероисповедном положении детей в спорных ситуациях. Полное название его звучало так: «О вызываемых провозглашенной Высочайшим Манифестом 17 октября свободой совести изменениях в области семейственных прав». В некоторых документах встречается сокращенное наименование – «О семейственных правах», которое мы для простоты будем употреблять далее.

В объяснительной записке к законопроекту Столыпин указывал на две существовавшие крайности в области семейного права. Первая – полное отождествление государственных законов о семье и браке с канонами определенной, господствующей в данной стране церкви: «В государствах теократических, а также в тех случаях, когда в какой-либо стране известное исповедание есть единственно признанное, гражданские законы совпадают с церковными, а государственная власть поддерживает чистоту канонических правил. Так было в Еврейском Царстве и в древнем Риме, религии коих были в полном смысле слова государственными. То же наблюдалось и в Западной Европе до реформации, во времена инквизиции, оберегавшей внешние интересы Римской церкви, когда огнем и мечом преследовалось всякое уклонение от верований и постановлений господствовавшего папства. Так было и в России в допетровские времена, когда иноверцы, хотя и были терпимы в пределах Московского государства, но только в виде гостей, и когда, следовательно, могла быть речь лишь о частных льготах для иноверцев, а не о правах их, основанных на законе». Вторая крайность – полное отделение религии от государства, в том числе в сфере брачно-семейных норм: «В настоящее время такая точка зрения (описанная выше «теократическая» - И.А.) представляется <...> уже отжившей и отошедшей в область истории. Напротив, в новейшем государстве, совершенно отделившемся от церкви, канонические правила окончательно игнорируются законодательством, религиозные общества приравниваются к обыкновенным союзам, законодательство вовсе не касается духовной жизни своих подданных, предоставляя им в этой области полную, ничем не ограниченную свободу, семейное же право соотнобразовывается исключительно с интересами государственными, а не религиозными». Столыпинское МВД, разрабатывая законопроект, стремилось найти некий срединный путь между Сциллой «теократии» (клерикализма) и Харибдой секуляризма: «К нашему отечеству в настоящее время неприменим ни один из указанных крайних принципов. Россия есть государство правовое, но вместе с тем и христианское, признающее наряду с широкою веротерпимостью и свободой совести первенствующее и господствующее значение за православною церковью. Это положение и должно стать отправною точкою при обсуждении изменений в области семейственных прав, согласно Высочайшим актам 17 апреля и 17 октября 1905 года» [8, л. 27-27 об.]. Золотая середина, предлагавшаяся Столыпиным – это, с одной стороны, сохранение брака в качестве религиозного института, с другой – отказ от дублирования в государственных законах специальных внутрицерковных канонических норм и от чрезмерно жесткой охраны преимуществ православной стороны при заключении смешанного брака.

Пункт 1 проектируемого закона гласил: «Лицам всех вообще вероисповеданий дозволяется вступать между собою в браки с соблюдением условий, установленных в законах гражданских, а также предусмотренных в нижеследующих правилах» [18, л. 47]. Далее следовали нормы, касающиеся различных случаев смешанных браков (подразумевалось, что браки, заключенные внутри определенной конфессии, регулируются ее каноническими правилами). Законопроект «О семейственных правах», как и прочие реформаторские вероисповедные проекты Столыпина, отнюдь не подразумевал равноправного подхода к конфессиям. Напротив, в нем была заложена довольно четкая градация существовавших исповеданий по категориям: 1) православная церковь (господствующая) 2) «признанные христианские исповедания» (инославные конфессии, обладавшие четко зафиксированным статусом в российской государственно-правовой системе, как, например, римо-католическая, евангелическо-лютеранская и армяно-григорианская церкви) 3) «сектантские общества» (секты, отколовшиеся от крупных церквей, получившие легализацию в силу свободы совести, но не пользующиеся покровительством и уважением государства) 4) нехристианские религии. Более подробно эта классификация была прописана в объяснительной записке к другому законопроекту МВД – «Об инославных и иноверных религиозных обществах» [17, с. 249-253; 24, л. 22-22 об.]. Согласно проекту закона «О семейственных правах», обряд, по которому следовало заключать смешанный брак, зависел от «иерархического уровня» вероисповеданий жениха и невесты: бракосочетание между православным и последователем любой другой религии должно было совершаться по православному обряду (п. 2 законопроекта), между христианином любой конфессии и лицом нехристианского исповедания – по христианскому обряду (п. 3), между лицом, принадлежащим к «признанному христианскому исповеданию» и адептом «сектантского общества» - по обряду исповедания (п. 4). Допускалось и два венчания, но первое должно было быть совершено по обряду конфессии более высокого статуса (п. 6). Когда же оба супруга принадлежали к равным по статусу исповеданиям, выбор церкви для совершения первого венчания зависел от взаимного соглашения жениха и невесты (п. 5) [18, л. 47]. Все перечисленные нормы, в общем, соответствовали существовавшим принципам религиозного законодательства; правда, в прежних законах не было четкой градации между «признанными исповеданиями» и легализованными сектами [2, с. 51, 117]. Новшество же заключалось в том, что Столыпин предлагал изъять из гражданских законов указание на запрет православным и католикам браков с нехристианами, равно как и специальное разрешение таких брачных союзов протестантам. Уже в первом, цитированном выше пункте закона декларировалось право «лиц всех вообще вероисповеданий <...> вступать между собою в браки», т.е. государство отказывалось вводить какие-либо ограничения на брачные союзы между лицами тех или иных конфессий. Оставить предлагалось лишь общую норму о том, что «браки христиан с нехристианами должны заключаться по христианскому обряду, причем нехристиане <...> обязаны отказаться от многоженства» (п. 3) [18, л. 47]. Это вовсе не значило, что православная и другие христианские церкви принуждались, в случае принятия закона, к венчанию своих последователей с лицами нехристианских исповеданий (как потом будут утверждать критики законопроекта). Идея Столыпина, высказанная в пояснительной записке, состояла в том, что «светский закон вовсе не обязан охранять канонические правила» [8, л. 28 об.], включая сюда внутренние правила различных церквей о допустимости тех или иных супружеских союзов. Подразумевалось, что каждая церковь сама вправе решать, допускать или не допускать венчание своих чад с лицами нехристианской веры; государство же лишь устанавливает общее правило о преимуществах христианской конфессии в случае подобных браков. Столыпин обосновывал такой подход, в частности, тем, что после объявления свободы совести количество легально существующих в империи христианских исповеданий должно было неизбежно увеличиться и определять в законе для каждого из них специальные правила

о браках с иноверцами представлялось нецелесообразным. «Не следует упускать из вида, что если протестантские учения признают допустимыми браки своих последователей с нехристианами, то в такое же отношение к этому вопросу могут встать и вновь возникающие вероучения. Наконец, и ныне существующие христианские исповедания могут со временем изменить свой взгляд на этот предмет», – говорилось в пояснительной записке МВД. Примечательно еще одно замечание Столыпина из той же записки: «Само собою разумеется, что государственное законодательство, разрешая таким образом лицам всех вообще исповеданий, в том числе и нехристианских, вступать между собою в брак, не может требовать от церкви без насилия над совестью верующих узаконения всех таких браков чрез таинство венчания, и что поэтому заключение таких браков по религиозному обряду возможно только, если к тому не встретится препятствий в канонических правилах. При таком положении дела, конечно, возможность воспользоваться предоставляемым проектируемым законом правом явится в большинстве случаев не ранее создания гражданской формы брака» [8, л. 28 об.- 29]. Таким образом, идея введения гражданского брака по-прежнему представлялась Столыпину вполне реальной, но лишь в отдаленной перспективе; сам же текст внесенного в Думу закона никакого намека на возможность внецерковных бракосочетаний не содержал (правда, в архиве МВД сохранился ранний черновой вариант законопроекта, в котором, например, предусматривалось, что «в случае отказа обеих церквей брачующихся совершить путем оглашения и венчания дозволенный законами страны брак, сей последний может быть заключен гражданским порядком» [8, л. 134 об.-135]; указанный вариант, очевидно был отвергнут еще на стадии обсуждения в Министерстве, до внесения в Совет министров).

Законопроект «О семейственных правах» предполагал универсализацию частной нормы, действовавшей до того времени лишь относительно смешанных браков католиков – о возможности замены огласительного свидетельства полицейским удостоверением. Согласно пункту 7, в случае невозможности огласить смешанный брак, либо из-за отсутствия в данной местности священнослужителя одной из конфессий, либо из-за отказа священнослужителя совершить эту процедуру, церковное оглашение могло быть заменено объявлением о браке в местной полиции с выдачей соответствующего свидетельства [18, л. 47-47 об.]. Такая общая норма должна была устранить из российского брачного права намек на некий особый негативизм по отношению к католической церкви: правила, изданные в 1891 и 1905 гг. с целью нейтрализации усилий ее священников по предотвращению смешанных браков, отныне распространялись на священнослужителей всех конфессий.

Подведомственность дел по разводу смешанных браков, согласно законопроекту, основывалась на описанной выше градации конфессий: когда один из супругов был христианином, другой – иноверцем, решение о разводе находилось в ведении суда христианской конфессии, когда один принадлежал к «признанному исповеданию», другой – к «сектантскому обществу», дело решалось духовными властями «признанной» церкви (п. 9), если один из супругов был православным, все права принадлежали православному церковному суду (п. 11). В отношении браков между адептами исповеданий равного статуса сохранялась старая норма: заключение о действительности брака – в компетенции конфессии, чей священнослужитель совершил первое венчание, решение о разводе – в ведении вероисповедания ответчика (п. 10). Делалась, впрочем, важная поправка: «Если ответчик принадлежит к исповеданию, по правилам коего не допускается расторжение брака, то дело о расторжении брака подлежит ведению духовного суда исповедания, к которому принадлежит истец» [18, л. 47 об.]. Уточнение это косвенно имело в виду, по-видимому, римо-католическую церковь, чье каноническое право не допускает разводов в принципе.

Наиболее существенная либерализация существовавших норм предусматривалась законопроектом в части, касавшейся вероисповедания детей от смешанных браков. Пункт 13 гласил: «Вероисповедание детей лиц, принадлежащих к одному и тому же вероисповеданию,

определяется верой родителей. При браках лиц, принадлежащих к разным вероисповеданиям, родителям предоставляется, по взаимному соглашению, определять принадлежность детей к одному из исповедуемых ими вероучений. В случае отсутствия соглашения, если один из супругов исповедует православную веру, все дети должны быть крещены по православному обряду, в остальных же случаях сыновья следуют вере отца, а дочери – матери» [18, л. 48]. Главное новшество здесь состояло в том, что обязательность воспитания в православии детей от смешанных браков с участием православной стороны переставала быть безусловной; преимущество православной церкви вступало в силу лишь в случае отсутствия согласия между родителями. Если же оба родителя (включая православного) были согласны, воспитание детей могло осуществляться и в правилах неправославного исповедания. Дополнительные разделы законопроекта предусматривали отмену института предбрачных подписок инославных супругов о воспитании детей в православии и несклонении в свою веру православной половины (раздел II) и аннулирование уже данных подписок; при этом дети от смешанных браков, ранее крещенные в православие, если они не достигли еще семилетнего возраста, могли быть переведены по соглашению родителей в инославную веру (раздел III) [18, л. 48 об.]. В записке по поводу законопроекта Столыпин указывал, что условия, содержащиеся в подписках, находятся в противоречии с принципом свободы совести. В первую очередь это относилось к одностороннему обязательству инославной стороны не вмешиваться в религиозную жизнь православного супруга. «Требование выдачи такого обязательства от неправославного супруга представляется и крайне несправедливым, так как этим путем создается неправомерная защита религиозного вероисповедания супругов в смешанных браках: тогда как неправославные, состоящие в браке с православными обязаны ни поносить своих супругов за православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом к принятию своей веры – на православного супруга такой обязанности не возлагается. Таким образом, закон как бы разрешает православному супругу употребить домашние миссионерские приемы в отношении своего неправославного супруга, недоступные последнему. Наконец, обсуждаемое обязательство представляется и противоречащим и началам свободы совести, согласно коим склонение к принятию своей веры не должно составлять наказуемого деяния, если оно не соединено с особыми условиями, предусмотренными законом» [8, л. 30-30 об.]. Безусловное обязательство о воспитании детей от смешанного брака в религии одного из родителей, по мнению Столыпина, также не согласовалось с идеей веротерпимости и религиозной свободы.

При этом относительно детей от смешанных браков христиан с нехристианами сохранялось правило об обязательности их воспитания в вере супруга-христианина (п. 14). Вместе с тем, предполагалось законодательно зафиксировать право матери-нехристианки воспитывать в своей вере рожденного ею внебрачного ребенка. Лицам всех вероисповеданий, включая нехристианские, в соответствии с законопроектом, разрешалось присоединять к своей вере находящихся у них на воспитании подкидышей, т.е. детей неизвестных родителей (пп. 16-17) [18, л. 48], в то время, как по действовавшим законам такое право предоставлялось лишь христианам [23, стб. 775-776; 15, с. 39].

Законопроект «О семейственных правах» готовился в МВД в конце 1906 – начале 1907 г., одновременно с целым рядом других вероисповедных законопроектов. 14 февраля 1907 г. он был подписан Столыпиным и директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий В.В. Владимировым и внесен для представления в Совет министров [16, л. 152]. В ходе обсуждения в Совете министров ряд критических замечаний высказал министр путей сообщения Н.К. Шауфус, выступавший с консервативных позиций: он считал допущение воспитания детей от смешанных браков православных в инославии и перемены веры уже крещенных детей весьма опасной мерой, которая может повлечь усиление внутрисемейных религиозных раздоров, развитие прозелитизма инославных исповеданий и

подрыв сложившихся традиций русского общества. Совет министров, тем не менее, поддержал позицию МВД, сочтя точку зрения Шауфуса не соответствующей «истинному понятию свободы совести» [19, с. 194-195]. В результате законопроект был одобрен правительством [19, с. 197] и 10 марта того же года внесен на рассмотрение II Государственной Думы (с незначительными, в основном техническими, изменениями, по сравнению с изначальной редакцией МВД) [12, л. 1-35; 16, л. 152].

II Дума рассмотреть законопроект не успела, однако еще до ее роспуска он вызвал резкую критику со стороны Святейшего Синода. В синодальном определении от 28 февраля – 15 марта 1907 г. выражалось недовольство тем обстоятельством, что проектируемый закон позволял супружеские союзы между православными и нехристианами и не содержал никаких ограничений относительно бракосочетаний чад господствующей церкви с сектантами и старообрядцами. Дело в том, что многие русские секты и некоторые из направлений, причислявшихся к старообрядчеству, отклонились от самых основ христианства, и браки православных с адептами таких течений были в принципе невозможны с точки зрения церковных канонов. Так, в целом ряде сектантских учений подверглись искажению или даже совершенно отвергались базовые догматы христианства – учение о Троице и богочеловечестве Христа. Кроме того, имелись секты и толки, отвергавшие водное крещение (например, молоканство). Их приверженцы не могли вступать в браки по православному обряду, поскольку с точки зрения церковного учения и канонов, таинство венчания могло быть совершено лишь над человеком крещеным. Синод настаивал на том, что допустимыми могут считаться браки православных лишь с теми из старообрядцев и сектантов, «которые веруют в Господа Иисуса Христа, как Воплотившегося Сына Божия и Искупителя мира, и имеют водное крещение, правильно совершенное и потому при принятии в Православную церковь неповторяемое и под неперменным условием разрешения епархиального Архиерея в каждом случае таких браков». Данное ограничение, по мнению иерархов церкви, должно было быть закреплено в государственном законе, также, как и запрещение православным венчаться с нехристианами (что противоречило концепции Столыпина об отказе от законодательной охраны канонических норм). Кроме того, Синод был категорически не согласен с отменой предбрачных подписок и заявлял, что, в случае, если правительство пойдет на такой шаг, церковь более не будет считать себя обязанной венчать браки православных с инославными [8, л. 90-91].

Заключение Синода по поводу законопроекта «О семейственных правах» было обсуждено на заседании Совета министров от 5 июня 1907 г. Правительство выразило готовность пойти на соглашение с руководством церкви, приняв формулу о том, что православным дозволены браки «лишь с христианами (инославными – И.А.) и старообрядцами и сектантами, верующими в Господа Иисуса Христа как Сына Божия и Искупителя мира и имеющими правильно совершаемое водное крещение». Вместе с тем, Столыпин продолжал настаивать на отмене института предбрачных подписок как противоречащего принципам свободы совести [8, л. 91-91 об.]. Синодалов такой компромисс не устраивал, сохранение предбрачных подписок являлось их главным требованием, и оно было подтверждено в новом определении Святейшего Синода, датированным 28 ноября – 8 декабря 1907 г. В нем подчеркивалось, что обязательства, предусматривавшиеся подписками (несовращение инославным супругом православного в свою веру и принадлежность детей к православной церкви) являются с точки зрения церковных канонов и вероучения неперменным условием совершения смешанного брака. Члены Синода настаивали на том, что государство должно гарантировать соблюдение этих условий и подвергать их нарушителей уголовному преследованию. В конце вновь повторялась та же угроза, которая содержалась в предыдущем определении: «если это заключение не будет принято, и предполагаемая отмена существующих по сему предмету постановлений состоится, то Святейший Синод сочтет себя вынужденным, оставив за собою право в отдельных случаях

благословлять смешанные браки, снять с себя обязанность давать благословение на эти браки» [8, л. 93 об. -94]. То есть, если бы гражданская власть пошла на отмену подписок и санкций в отношении их нарушителей, Синод мог предписать православному духовенству прекратить венчание смешанных браков или же ввести относительно таких браков существенные ограничения, допуская их лишь в «отдельных случаях» с особого разрешения высшей церковной власти (подобно тому, как это практиковалось, например, в католической церкви).

Синод и правительство так и не смогли прийти к соглашению по данному вопросу. 21 января 1908 г. законопроект «О семейственных правах» был внесен Советом министров в прежней редакции в III Государственную Думу. При этом, однако, Столыпин сопровождал проект специальной запиской, в которой была изложена позиция Святейшего Синода, отраженная в его определениях от 28 февраля – 15 марта и 28 ноября – 8 декабря 1907 г. В записке, в частности, говорилось, что Совет министров признает желательным, чтобы перед обсуждением законопроектов, направленных на развитие начал свободы совести «был выслушан голос православной церкви», поскольку эти проекты затрагивают ее интересы «самым существенным образом» [8, л. 95]. На оглашении перед Думой позиции Синода настоял обер-прокурор П.П. Извольский; сходными записками были сопровождаемы и некоторые другие вероисповедные законопроекты МВД, также вызвавшие критику церковного начальства [3, с. 181]. Сделанную Столыпиным уступку можно расценивать как проявление дипломатии. Признание необходимости «выслушать голос православной церкви» являлось демонстрацией уважения к ней, но это не означало, что премьер призывал депутатов принять точку зрения Синода в качестве руководящей при обсуждении правительственного проекта. Наоборот, он, вероятнее всего, рассчитывал, что Дума, в которой были сильны позиции либералов (кадетов и октябристов) поддержит его реформаторские инициативы, а не консервативно-охранительную позицию церковных иерархов. Однако относительно законопроекта «О семейственных правах» такие надежды оправдались не вполне.

В III Думе указанный законопроект был отправлен на заключение сразу двух комиссий: комиссии по вероисповедным вопросам (председатель П.В. Каменский, октябрист) и комиссии по делам православной церкви (председатель В.Н. Львов, также член Союза 17 октября). Комиссия по делам православной церкви отдельных заседаний по законопроекту не проводила, вероисповедная же комиссия смогла приступить к его обсуждению лишь в середине второй сессии, а именно в начале весны 1909 г. Первое свидетельство о подготовке к рассмотрению законопроекта – отношение от 5 марта 1909 г. начальника законодательного отдела Канцелярии Государственной Думы В.П. Шеина на имя директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД А.Н. Харузина. В.П. Шеин сообщает о составленной им «справке по законопроекту о смешанных браках», которая «при сем прилагается». К сожалению, сам текст справки в архивном деле не был обнаружен, однако в упомянутом отношении Шеин указывает, что справка «составляет дополнение к сборнику материалов о смешанных браках, в свое время составленному мной по распоряжению покойного графа А.П. Игнатьева для надобностей состоявшего под его председательством Особого совещания по делам веры» [8, л. 109-109 об.]. Имелось в виду «Особое вневедомственное совещание для согласования действующих узаконений с указом 17 апреля 1905 года». Оно было образовано в мае 1905 г. под председательством упомянутого графа А.П. Игнатьева, члена Государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии (даты жизни – 1842-1906, убит 9 декабря 1906 г. в Твери эсером-террористом С.Н. Ильинским). Из вопросов, стоявших в повестке совещания, первые два касались как раз брачного законодательства: «1) О браках православных лиц со старообрядцами и сектантами; 2) О вероисповедании детей от смешанных браков православных с иноверцами» [13, с. 62]. Фактически совещание А.П. Игнатьева впервые

собралось только 29 ноября 1905 г. и провело всего шесть заседаний (последнее – 24 апреля 1906 г.). Поскольку к тому времени уже был издан Манифест 17 октября и установлен новый порядок законодательных процедур, то совещание, как отмечал сам его председатель в докладе императору, решило сосредоточиться не на «изготовлении законченных и подробных законопроектов», а на «собрании материалов» и «установлении руководящих положений, которые должны бы лечь в основу законопроектов» [13, с. 63]. В.П. Шеин, юрист по образованию, служивший тогда старшим делопроизводителем в Отделении Свода законов Канцелярии Государственного совета, был привлечен как эксперт по брачным вопросам. Им был составлен объемный сборник, включавший российские государственные и церковные акты по вопросам межконфессиональных браков со времен Петра I до 1905 г., выдержки из зарубежного брачного законодательства, циркуляры и аналитические записки чиновников и другие ценные материалы по проблеме. Сборник был издан в виде книги в 1906 г. без указания имени составителя [26]. Впоследствии, в июне 1906 г., Шеин был назначен членом Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде (орган, готовивший повестку для Поместного собор Русской церкви), где также принимал активное участие в обсуждении вопроса о смешанных браках, уже с церковно-канонической точки зрения [7, с. 693; 4, с. 331-337]. Таким образом, этот чиновник аппарата Государственной Думы был одним из наиболее компетентных лиц в вопросах брачного законодательства, потому он и проявил живую заинтересованность в надлежащей подготовке обсуждения законопроекта в вероисповедной комиссии. В частности, он считал весьма полезным ознакомление депутатов с составленным им ранее сборником. 9 марта 1909 г., т.е. вскоре после упомянутого отношения на имя А.Н. Харузина, было направлено новое отношение на имя министра внутренних дел, за подписью секретаря Государственной Думы И.П. Созоновича и начальника законодательного отдела В.П. Шеина с просьбой доставить в Канцелярию Государственной Думы «Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и вероисповедании детей, от сих браков происходящих» «в количестве, если возможно, около 100 экземпляров» [8, л. 112] (экземпляры хранились в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий [8, л. 109]). Неизвестно, когда был выполнен этот запрос Министерством, скорее всего сборники не успели прийти к началу заседания вероисповедной комиссии, посвященного законопроекту «О семейственных правах». Согласно «Справочному листку Государственной Думы» заседание это состоялось через день после упомянутого запроса, в среду 11 марта 1909 г., началось оно в 11 часов утра и проходило в комнате Таврического дворца № 35. Руководил заседанием председатель комиссии П.В. Каменский, присутствовали 28 членов комиссии и представители «ведомства православного вероисповедания», то есть Святейшего Синода [31, с. 2; 32, с. 4]. Не исключено, что об участии синодальных представителей вовремя позаботился все тот же В.П. Шеин, человек, искренне живший церковными интересами (впоследствии, уже после октября 1917 г. он примет монашеский постриг с именем Сергия, станет архимандритом и будет расстрелян в 1922 г. по делу петроградского митрополита Вениамина; ныне он почитается Русской православной церковью как священномученик [7, с. 694]). Неизвестно, высказывались ли как-нибудь в течение заседания представители духовного ведомства или только следили за ходом обсуждения затрагивающего интересы церкви законопроекта. «Справочный листок» сообщает лишь о том, что в ходе заседания были «заслушаны: 1) доклад от Трегубова по законопроекту «О вызываемых провозглашенной Высочайшим манифестом 17 октября свободой совести изменениях в области семейственных прав» и 2) доклад Львова 2-го по п.п. 1 и 13 раздела I и разделам II и III означенного законопроекта» [32, с. 4]. Текст доклада Александра Лаврентьевича Трегубова (священника, члена вероисповедной комиссии, октябриста, депутата от Киевской губернии) до нас не дошел; во всяком случае, он не сохранился в архивных делах, посвященных законопроекту. Вероятно, доклад этот имел вводно-информативный характер. Доклад В.Н. Львова, являвшегося членом вероисповедной комиссии и председателем

комиссии по делам православной церкви, сохранился; характер этого доклада был резко критическим. В данном случае Львов выступал именно как представитель возглавляемой им комиссии: он рассматривал лишь те положения законопроекта, которые затрагивали интересы православного исповедания: пункт 2 (о венчании смешанных браков православных с представителями другой веры), пункт 13 (о вероисповедании детей от смешанных браков, включая браки с участием православной стороны), раздел II (об отмене предбрачных подписок) и раздел III (о лишении силы подписок, уже данных и возможности перемены исповедания детей, крещенных в православие).

Львов защищал точку зрения Синода о недопустимости отмены предбрачных подписок. Он напоминал, что древние каноны церкви запрещают браки с неправославными в принципе, лишь во времена Петра I Синод пошел на уступку и разрешил подобные союзы, но под неперемным условием подписки, гарантирующей «неизменность в вере супруга православного и детей его». Депутат настаивал, что воспитание детей в православии – это «*conditio sine qua non* (необходимое условие – И.А.) дозволения Церковью православным вступать в смешанный брак» [18, л. 8]. Теперь же государство намеревается отменить обязательность этого требования (пункт 13 законопроекта), упраздняет предбрачные подписки, некогда введенные именно по настоянию церкви (разделы II и III), но при этом продолжает требовать, чтобы смешанные браки с участием православного супруга венчались непременно по православному обряду (п. 2). Таким образом, православная церковь будет принуждаться к венчанию браков, заключаемых без соблюдения ее канонических требований. Львов полагал, что в таком случае православное духовенство, или некоторая его часть, может воспротивиться решению государства и отказаться от совершения смешанных браков на неприемлемых для церкви условиях (как в свое время католическое духовенство в западных губерниях препятствовало смешанным бракам своих прихожан с православными и протестантами), что в свою очередь повлечет со стороны государства репрессивные меры. «Итак, – утверждал депутат, – этот законопроект нам грозит острым и затяжным конфликтом церкви и государства, результатом которого будет или принижение церкви карами государственными над ее лучшими представителями или отказ со стороны государства применять злополучный закон». Львову подобный конфликт виделся «невиданным», противоестественным для российской государственной системы, в которую православная церковь была включена как неотъемлемая часть, и возглавлявший ее Святейший Синод представлял собой один из высших органов власти – «правительство духовное», в компетенции которого находились все вопросы, связанные с религиозной жизнью страны. «Как может единая Верховная Власть быть в конфликте сама с собой? Как можно при ясно определенных полномочиях церковной власти не признавать эти полномочия, или вторгаться в сферу управления церковной властью <...>? Наконец, как может объединенное правительство не быть объединено с правительством духовным?» [18, л. 6 об.]. Все тезисы и риторические вопросы Львова вели к однозначному выводу: правительство должно подчиниться мнению Синода в вопросе о предбрачных подписках.

Львов отводил аргумент Столыпина о том, что предбрачные подписки являются насилием над свободой совести. По мнению депутата, это было отчасти справедливо лишь в условиях действия прежних законов, запрещавших выход из православия. Теперь же, когда указом 17 апреля 1905 г. православным разрешено переходить в иные исповедания, ни о каком насилии над свободой воли желающих вступить в брак не может быть речи. Если кто-то из православных считал возможным заключить смешанный брак без соблюдения строгих требований своей церкви (в отношении вероисповедания детей и обязательств инославной «половины»), он мог в таком случае перейти в инославную конфессию и венчаться по ее обряду. «Пусть православные знают, что брак их с иноверующими накладывает на них тяжелые обязанности относительно семьи и иноверного супруга, и если они не признают этих обязанностей, пусть покидают православие, которому они принадлежат формально или

поверхностно, пусть Церковь Православная не покрывает ложь их совести своим венчанием» [18, л. 8].

В заключение доклада Львов предлагал исключить из законопроекта разделы II и III, предполагавшие отмену и аннулирование предбрачных подписок. Пункт же 13, предусматривавший определение вероисповедания детей свободным соглашением родителей, докладчик считал возможным оставить неизменным. При этом, однако, в силу сохранения института предбрачных подписок с соответствующими обязательствами инославных супругов, для браков с участием православной стороны этот пункт являлся бы «факультативным» (так же, как «факультативным», условным, по мысли Столыпина, было разрешение православным вступать в брак с нехристианами). «Если когда-либо в будущем Святейший Синод отменит обязательность предбрачных подписок, то пункт 13 вступает в свою полную силу» [18, л. 8 об.].

Вероисповедная комиссия, по-видимому, сочла доводы Львова заслуживающими самого серьезного внимания и рассмотрения. По итогам заседания было принято решение «доклад Львова 2-го отпечатать, а обсуждение законопроекта отложить до Фоминой недели» [32, с. 4]. «Фомина неделя» – неделя, следующая за Фоминым воскресеньем, следующим воскресным днем после Пасхи. После него возобновлялись заседания Думы и ее комиссий, прерывавшиеся на Страстную и Пасхальную седмицы (недели до и после великого праздника). В 1909 г. Фомино воскресенье падало на 5 апреля по старому стилю. Значит, после этой даты вероисповедная комиссия должна была вернуться к рассмотрению законопроекта. Фактически этого не произошло, хотя новое заседание, судя по всему, готовилось и также с участием представителей духовного ведомства. 11 апреля 1909 г. газета «Новое время» опубликовала заметку следующего содержания: «На предстоящем выступлении представителей Святейшего Синода в вероисповедной комиссии Государственной Думы по проектируемому комиссией допущению смешанных браков православных с магометанами и язычниками, представители Синода ознакомят комиссию с точкой зрения на этот вопрос, на основании которой церковь не может согласиться с намерениями комиссии допустить смешанные браки с магометанами, Евреями и даже язычниками. С точки зрения церкви, брак православного с язычником есть только конкубинат и поэтому не может быть признан ею. С этой позиции Святейший Синод не может сойти, чтобы тем самым не стать на путь отделения церкви от государства» [8, л. 113]. Разумеется, в цитированной заметке ситуация представлялась в несколько искаженном виде. Во-первых, инициатива реформирования правил о смешанных браках приписывалась самой думской вероисповедной комиссии, в то время как в действительности законопроект был внесен правительством. Во-вторых, в цели разработчиков законопроекта, как уже разъяснялось выше, отнюдь не входило принуждение православной церкви к признанию браков ее чад с некрещеными иноверцами. Вместе с тем, газета (отражавшая точку зрения консервативных кругов, включая церковные), по-видимому, верно передала позицию Синода, воспринимавшего изъятие из гражданского брачного права канонических требований и запретов как шаг к отделению церкви от государства. Вполне возможно, что большинство членов вероисповедной комиссии склонялись к принятию основных положений законопроекта, Синод же хотел предупредить такой исход дела. Известная уже депутатам отрицательная позиция Синода, вкупе с такой же позицией комиссии по делам православной церкви, в лице ее председателя В.Н. Львова, была, возможно, одной из причин, побудивших думскую вероисповедную комиссию вновь отложить обсуждение вопроса о «семейственных правах». Так или иначе, в «Справочных листках Государственной Думы» за вторую сессию не зафиксировано никаких новых заседаний, посвященных соответствующему законопроекту, который в итоге так и не дошел до общего собрания. В официальном обзоре деятельности комиссий и отделов III Думы законопроект «О семейственных правах» значится в числе находившихся к концу второй сессии «на

рассмотрении» в комиссиях: вероисповедной и по делам православной церкви [6, с. 55, 61]. Эта формула относилась к тем проектам, которые не только не были переданы в общее собрание Думы, но даже не получили еще окончательного заключения комиссий.

Предполагалось, очевидно, что комиссии вернутся к рассмотрению законопроекта в следующую – третью сессию. Этому, однако, не суждено было сбыться. В перерывах между сессиями продолжалось давление представителей церкви на правительство и Думу с целью отказа от не устраивавших Синод положений законопроекта. К этому давлению присоединились крайне правые политические круги. Резкие выпады против столыпинских вероисповедных законопроектов прозвучали на «Съезде русских людей» – всероссийском собрании представителей монархических и черносотенных организаций, состоявшемся в Москве 27 сентября – 4 октября 1909 г. В зачитанном на съезде докладе православного миссионера И.Е. Айвазова «По церковным вопросам» утверждалось, что законопроекты МВД «пошли по <...> пути», который «имеет своим началом борьбу против первенства в государстве какой-либо веры или Церкви, и концом – полное отделение государства от Церкви или вообще от религии, узаконение атеизма или невероисповедного состояния и, наконец, изгнание отовсюду религии». Далее Айвазов заявлял, что «Министерство и Дума <...> перестали внимать советам и даже вообще совещаться в делах вероисповедного законодательства с Св. Синодом» [27, с. 14]. Последнее утверждение не вполне соответствовало истине; по крайней мере, при начале обсуждения законопроекта «О семейственных правах» депутаты отнеслись к мнению церкви весьма внимательно, что явствует и из приглашения на заседание вероисповедной комиссии представителей Синода, и из доклада В.Н. Львова. Утверждал Айвазов, также бездоказательно, что «думским большинством намечается введение у нас гражданского брака, что равносильно отторжению семьи от Церкви» [27, с. 16] (в действительности никаких законопроектов о гражданском браке в III Думе не рассматривалось даже в комиссиях). Другим участникам того же съезда архиепископом Кишиневским Серафимом (Чичаговым) был прочитан специальный доклад «К вопросу о вероисповедных законопроектах», где, в частности, критиковалась идея Столыпина о разделении сфер государственного и церковно-канонического семейного права:

«В Министерских объяснительных записках №№ 1473 и 1478, приложенных к вероисповедному законопроекту, например, говорится, что «христианское государство это только теория, которую создало церковное право»; что в государствах теократических, также в тех случаях, когда в какой-либо стране известное исповедание есть единственно признанное, гражданские законы совпадают с церковными, и государственная власть в области семейного права поддерживает чистоту канонических правил. В настоящее время такая точка зрения представляется уже, однако, отжившей и отошедшей в область истории. Напротив, в новейших государствах канонические правила окончательно парализуются законодательством.

И это говорит и пишет русская, православная, правительственная власть. Православие есть истина, и непонимание истины обличает неправославие христианина. Совершенно недопустимо в православной России подобное искажение истины и правды Божией» [27, с. 59-60].

В данном случае архиепископ Серафим вольно или невольно искажал идеи Столыпина, высказанные в записке к законопроекту «О семейственных правах», представляя дело так, будто Министерство внутренних дел желает полного упразднения канонических правил о браке светским законодательством. В действительности, как мы помним, Столыпин лишь хотел отказаться от придания некоторым церковно-каноническим предписаниям силы государственных законов, с сохранением, однако, за церквами права, исходя из собственных канонов, допускать или не допускать венчания определенных браков.

«Съезд русских людей» довольно ярко отразил агрессивный настрой крайне правых кругов в отношении реформаторских проектов Столыпина; и касалось это не только реформ

в вероисповедной сфере. Нападкам подвергались все аспекты осуществляемой правительством программы преобразований, включая столыпинскую аграрную реформу (см., например, доклад на том же съезде А.Н. Панфилова «Крестьянское общинно-хуторское землевладение» [27, с 99-118]). В 1909 г. давление правых деятелей на премьера достигло своего пика. Так, весной этого года правыми кругами Государственного совета был инициирован «министерский кризис», вследствие которого Столыпин оказался под угрозой отставки [1, с. 17].

В связи с этими обстоятельствами неудивительно, что в вероисповедном вопросе, который не составлял главного аспекта его реформаторской программы, Столыпин решил пойти на некоторые уступки совокупному давлению Синода и правых политических сил. 15 сентября 1909 г. Совет министров по представлению МВД принял решение об изъятии из Думы двух законопроектов, вызвавших особенно резкую критику Синода – «Об отношении государства к отдельным исповеданиям» и «О вызываемых провозглашенной Высочайшим Манифестом 17 октября свободой совести изменениях в области семейственных прав», как официально было заявлено, «в целях пересмотра». 23 сентября 1909 г. товарищ министра внутренних дел П.Д. Курлов известил о решении правительства председателя Государственной Думы Н.А. Хомякова, а 12 октября 1909 г., через два дня после начала третьей сессии Думы оба законопроекта были возвращены Н.А. Хомяковым с официальным отношением в МВД [18, л. 9, 18].

Таким образом, принципиальное решение об отзыве законопроектов было принято еще до «Съезда русских людей» (последний состоялся в конце сентября – начале октября, постановление Совета министров – 15 сентября). Участники съезда, нападая на инициативы МВД в области семейного права, еще не знали о принятом правительством решении; однако их высказывания были лишь озвучиванием той категорической позиции, на которой стояли иерархи церкви и представители правоконсервативных кругов с самого начала дискуссии по законопроекту. Хотя законопроект «О семейственных правах» был отозван по официальной формуле «для пересмотра», т.е. для переработки (по-видимому, с учетом позиции Синода) никакой новой редакции этого закона в Думу внесено так и не было. Так закончилась судьба столыпинского проекта реформы законодательства о смешанных браках.

Система регулирования брачно-семейных отношений в Российской империи была по своему характеру достаточно консервативной. Это выражалось в непризнании светских форм брака (если не считать полицейскую и гражданскую метрификацию, установленную для некоторых маргинальных религиозных групп), в особой законодательной охране брачных канонических норм православной и других христианских церквей, предоставлении безусловных преимуществ православной стороне при заключении смешанного брака с инославным супругом. Попытка реформы правил о смешанных браках, предпринятая Столыпиным, была достаточно умеренной. Разработанный МВД в 1906-1907 гг. законопроект «О семейственных правах» подразумевал, во-первых, обобщение и систематизацию существовавших принципов и положений законодательства о межконфессиональных браках; во-вторых, отмену ряда юридических норм, дублировавших церковные канонические правила; в-третьих, некоторую либерализацию правил о смешанных браках с участием православной стороны. Брак в данном проекте сохранял статус церковного института, сохранялся и неравноправный подход к различным конфессиям, что отражалось в положениях о порядке венчания межконфессиональных брачных союзов. Тем не менее, законопроект вызвал недовольство Святейшего Синода, который не был готов воспринять идею о размежевании государственного и церковно-канонического брачного права, и, самое главное, не мог смириться с отменой предбрачных подписок, являвшихся основной гарантией соблюдения преимуществ господствующей церкви при заключении браков православных с инославными. Угроза Синода прекратить или существенно ограничить венчание смешанных браков в случае отмены государством

предбрачных подписок, не должна была бы, в принципе, рассматриваться Столыпиным как препятствие к осуществлению задуманной им реформы. В объяснительной записке к законопроекту декларировался принцип невмешательства государства в канонические запреты и предписания той или иной церкви. В частности, Столыпин писал о том, что принципиальное допущение государством брачных союзов христиан с нехристианами вовсе не будет означать принуждения православного духовенства к венчанию подобных браков. То же, по логике вещей, следовало отнести и к бракам православных с инославными. Коль скоро гражданская власть собиралась отказаться от законов, ограждавших интересы православия посредством мер административного и уголовного характера (к числу коих относились положения о предбрачных подписках), церковь имела полное основание для того, чтобы обеспечить свои интересы самостоятельно, в частности, пересмотреть установленные ею же ранее правила о венчании межконфессиональных браков. В этом случае правительство не должно было иметь к церкви никаких претензий. Но, думается, сам Столыпин вряд ли ожидал такого поворота событий. Краеугольными основаниями имперской конфессиональной политики со времен Петра I были, с одной стороны, тесный союз государства и православной церкви, вплоть до превращения последней в одно из государственных ведомств, с другой – поддержание некоторой, пусть ограниченной, но последовательной межконфессиональной терпимости, проведение принципа открытости России западному христианскому миру, проявлением чего было, в частности, дозволение браков православных с христианами других признанных исповеданий. Потому угроза Синода приостановить венчание смешанных браков не могла не причинять правительству серьезного беспокойства, гражданская власть, скорее всего, не была готова к подобным шагам со стороны церкви. Церковные иерархи, в свою очередь, не были вполне готовы к освобождению православной церкви от опеки со стороны самодержавия, которое ограничивало ее свободу, но при этом гарантировало безусловные преимущества перед другими исповеданиями. Рассматриваемый законопроект был одним из шагов на пути к осуществлению кавуровского принципа «свободная церковь в свободном государстве». Принцип этот в корне расходился с российской традицией церковно-государственных отношений. В этой связи вполне понятна позиция правоконсервативных критиков законопроекта «О семейственных правах». Может вызвать некоторое удивление, что этих критиков активно поддержал октябрист В.Н. Львов, который впоследствии проявит себя как воинствующий церковный обновленец: на посту обер-прокурора во Временном правительстве он будет действовать как «революционный диктатор» опираясь на «прогрессивные» группы духовенства и мирян и борясь с «реакционными» синодальными иерархами [30, с. 161-192, 314-352], потом, уже в советские годы, примкнет к группе «Живая церковь» [7, с. 337]. Нельзя, впрочем, упускать из виду, что Львов, несмотря на указанные факты, был всегда человеком глубоко религиозным (в молодости даже хотел уйти в монахи, один из его сыновей станет архиереем Русской православной церкви за границей) [7, с. 336-337]. Видимо в рассматриваемый период для этого деятеля церковные интересы стояли выше либеральных политических принципов, дальнейшая же эволюция его мировоззрения не составляет предмет настоящего исследования. Так или иначе, глава думской комиссии по делам православной церкви внес серьезный вклад в победу консервативно-клерикальной партии, похоронившей столыпинский законопроект. В результате российские законы о смешанных браках сохранялись в неизменном виде вплоть до издания в декабре 1917 г. революционных декретов большевистского правительства, совершенно изъявших сферу семейного права из ведения религиозных организаций и установивших общеобязательный гражданский брак.

Список литературы

1. Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М.: Наука, 1968. 520 с.
2. Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. – июль 1914 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 256 с.
3. Белов Ю.С. Судьба правительственной программы вероисповедных реформ в 1906 – 1914 гг. // Клио. № 1 (7). 1999. С. 176-184.
4. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. 664 с.
5. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
6. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II. 1908-1909 г. СПб.: Государственная типография, 1909. 319 с.
7. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 734 с.
8. Дело о разработке законопроекта о браках между лицами разных исповеданий и об исповедной принадлежности детей от них. 19 января 1907 г.- 2 декабря 1909 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693.
9. Дело о рассмотрении случаев противодействия римско-католического духовенства заключению браков католиков с протестантами и об изменении порядка заключения подобных браков. 7 июня 1866 г. – 31 марта 1910 г. //РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614.
10. Дело об установлении и введении в действие временных правил ведения метрических книг для баптистов. 21 декабря 1876 – 27 июля 1881 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 780
11. Дело об установлении правил заключения браков между лицами разных иностранных исповеданий и о расследовании случаев противодействия католического духовенства бракам католиков с православными. 28 марта 1835 – 1914 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604.
12. Деятельность Государственной Думы в области законодательства. Законопроекты, внесенные Министерством Внутренних дел. О вызываемых провозглашением Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г. свободы совести изменениях в области семейственных прав. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 935.
13. Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб. : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 144 с.
14. Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 года. – СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1905. 522 с.
15. Законодательные акты переходного времени, 1904-1908 гг. : сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. /Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. 464 с.
16. Законопроекты по вероисповедным вопросам, внесенные в Совет министров и Государственную Думу, с приложением справок о ходе их рассмотрения; записки о

законодательных работах Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 41.

17. Католическая церковь накануне революции 1917 года : Сб. док / Сост. и отв. ред. М. Радван. Люблин: Научное общество Католического университета в Люблине, 2003. 671 с.

18. Министерство Внутренних Дел. Дело об изменении условий заключения смешанных браков, в связи с провозглашением Манифестом 17 октября 1905 г. свободы совести. 29 января 1908 г. - 12 октября 1909 г. //РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 422.

19. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907 год. /Отв. сост. Б.Д. Гальперина М.: РОССПЭН,, 2011. 862 с.

20. По законодательным предположениям членов Государственной Думы о свободе совести и о гражданском равенстве. 23 мая 1906 г. - 6 фев. 1913 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 12.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLIX. Отделение первое. 1874. От № 52982-53684. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1876. 948 с.

22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. LIV. Отделение первое. 1879 по 18 февраля 1880 года. От № 59183-59838. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1881. 562 с.

23. Полный свод законов Российской Империи: все 16 томов со всеми относящими к ним Продолжениями и с дополнительными узаконениями по 1 сентября 1910 года в 2-х книгах. /Под ред. А.А. Добровольского; сост. А.Л. Саатчиан. Кн. 2. Т. IX – XVI. СПб.: книжный магазин «Законоведение», 1911. СХХVIII, 4680 стб.

24. Представление министра внутренних дел в Государственную думу и доклад Комиссии по вероисповедным вопросам Думы к разработке законопроекта об инославных и иноверных религиозных обществах и о сектантских и старообрядческих общинах. 20 февраля 1907 – 1911 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 583.

25. Сафонов А. А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2007. 366 с.

26. Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и вероисповедании детей, от сих браков происходящих. СПб.: Государственная типография, 1906. 528 с.

27. Сборник Съезда русских людей в Москве 27 сентября - 4 октября 1909 года. М.: «Русская Печатня», 1910. 223 с.

28. Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. 2. Учреждение местных судебных установлений прежнего устройства и законы о судопроизводстве. СПб.: Издание кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892. 320 с.

29. Свод законов уголовных. Ч. I. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Государственная типография, 1885. 369 с.

30. Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб.: Д.А.Р.К., 2015. 660 с.

31. Справочный листок Государственной Думы (Третий созыв – вторая сессия). 1909. № 40. 5 с.

32. Справочный листок Государственной Думы (Третий созыв – вторая сессия). 1909. № 43. 6 с.

Сведения об авторе:

Амбарцумов Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Ambartsumov Ivan Vladimirovich, PhD, Associate Professor, the Institute of History of St. Petersburg University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5.